

Алексѣй Борисовичъ запротестовалъ. Тогда она бросилась передъ нимъ на колѣни, и стала цѣловать его руки, умолая. — «Но дамы...» — слабо возразилъ Алексѣй Борисовичъ. Она быстро вскочила и, представляя ему мѣшковатаго Захара Иваныча, — произнесла: — «Вотъ, папá, твоя дама!» — Затѣмъ, лукаво потупивъ взглядъ, степенно подошла къ Петру Лукьянычу: — «Надѣюсь, вы пригласите меня!» — сказала она. Онъ съ восторгомъ подаль ей руку и всѣ отправились въ залу.

Въ залѣ стояла тусклая полутьма: одинокое бра свѣтило невѣрно и трепетно. Но когда Волхонскій хотѣлъ-было приказать зажечь люстру и канделябры, Варя воспротивилась. Эта громадная комната, по угламъ которой бродили сумрачныя тѣни, какъ-то странно нравилась ей. Она точно въ полуснѣ скользила по паркету, чутко прислушиваясь къ обворожительнымъ звукамъ кадрили. И какой кадрили! Графъ, по своему обыкновенію, взялъ какую-то немудрую тему, и разнообразилъ ее прелестными отступленіями. Роль подъ его пальцами то замиралъ и въ какомъ-то заунывномъ упоеніи издавалъ едва слышныя звуки, мягкіе и вкрадчивые, то гремѣлъ ясно и отчетливо, и переполнялъ сумрачную залу торжественнымъ гуломъ. Варя скользила, подавала руки, садилась, и временами въ какомъ-то изумленіи широко раскрывала глаза. Она какъ будто ничего не замѣчала. Ни аляповатыя движенія Захара Иваныча, безпрестанно путавшаго фигуры, ни утонченныя манеры отца, ни самоувѣренные приемы Лукавина, — ничто не возбуждало ея вниманія. Она точно въ туманѣ находилась. Зала раздвигалась передъ нею и уходила въ таинственное пространство. Звуки воплощались, уносили ее куда-то, медленно сосали ея сердце... И ей было жутко.

Вдругъ, быстро и мечтательно закружился темпъ вальса. Лукавинъ охватилъ Варю и горячо сжалъ ея руку. Она невольно склонилась къ нему. Ей казалось, что у ней выросли крылья и что звуки поднимаютъ ее въ недосыгаемую вышины. И упоенная какимъ-то неизъяснимо тоскливымъ восторгомъ, она понеслась въ бѣшеномъ круженіи. Передъ ней мелькали свѣчи одинокого бра; надъ нею склонялся красивый силуэтъ ея кавалера; воспаленная ладонь его руки томительно и пріятно жгла ея стантъ; тѣни убѣгали куда-то и надвигались въ непрерывномъ колыханьи... И ей казалось, что она погружена въ какой-то длинный и фантастическій сонъ, и неясная мысль о пробужденіи мучительно угнетала ея душу.

Захаръ Иванычъ смотрѣлъ на вальсирующихъ и думалъ: — «Эхъ, кабы онъ женился на ней: была бы Волхонка съ заво-